

Елена Мещеркина. "Бытие мужского сознания": опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса" // О муже(N)ственности: Сборник статей. Сост. С.Ушакин. Москва: НЛО, 2002.

Елена Мещеркина

БЫТИЕ МУЖСКОГО СОЗНАНИЯ? ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ МАСКУЛИННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДНЕГО И РАБОЧЕГО КЛАССА

Социологическая концептуализация маскулинности

Редкий социологический опрос обходится без пола как независимой переменной, которая измеряется и затем учитывается в последующей оценке и интерпретации. Это превращает пол как переменную в ресурс, социологическое содержание которого остается непроясненным. Пол редко с новится топосом и чаще воспринимается в социологической исследовательской практике как имплицитное содержание повседневного сознания.

Имеющиеся подходы к социологической концептуализации пола либо связаны с изучением социального неравенства полов (социально-структуралистский подход), либо сосредоточены на отражении различия (дифференции) полов в повседневной интеракции (интеракционизм). В феминистских исследованиях дискутируется возможность анализа пола как центрального измерения социального неравенства, вплоть до понимания пола как классовобразующего признака. При этом гендерное неравенство (или маскулинный супрематизм) концептуализируется как нечто качественно иное: 1) половое различие кодируется бинарно, и мобильность между полами весьма редка; 2) опыт социальной практики неравенства женщин отличен от других дискриминируемых групп в социальных отношениях, поскольку основывается на специфической близости/дистанции. Феминистская методология использует и социально-конструктивистскую перспективу, этнометодологическую в особенности, рассматривая двуполость собственно как социальную практику, как «генеративный образец построения

социального порядка» (Gildemeister & Wetterer, 1992, 230). Как следствие — «де-иерархизация различий» невозможна, «если не ставить под сомнение основной бинарный образец» (Gildemeister & Wetterer, 1992, 248). Методологически это означает не поиск третьего идеального пола — хотя мифы об андрогине символизируют эту потребность, — а попытки манипулировать самим *процессом* полоролевой социализации. Речь, таким образом, идет о мультипликации основных составляющих бинарного образца, т.е. о множественности маскулинностей и фемининностей, связанных между собой многообразием гендерных контрактов.

Полюсы, между которыми развивается дискурс социологии гендера, обозначены вехами общей социологической дискуссии:

макро и микро, структура и действие. Поэтому возникают такие исследовательские кентавры, как неравенство полов, корреспондирующее с неравенством в социальной структуре, или локальное воспроизводство социального порядка двуподости. В качестве примера приведем работы Франчески Канциан (Francesca Cancian, 1985, 1986), увязывающие системный анализ власти с анализом форм выражения любви мужчинами и женщинами. Она исследовала, как культурное кодирование любви влияет на восприятие мужчинами и женщинами тех действий, в которых любовь находит свое подкрепление и выражение. В итоге Канциан сформулировала тезис о том, что те *подкрепляющие* действия, которые мужчинами собственно и понимаются как *выражение лкбва*, ни женщинами, ни в общественном создании таковыми не воспринимаются. Подобное расхождение является следствием «феминизации любви», в рамках которой с любовью ассоциируется только эмоционально-экспрессивное поведение, но не ее инструментальная поддержка. Как пишет Канциан, «женщины предпочитают эмоциональную близость и вербальную экспрессию; мужчины предпочитают секс и оказание инструментальной поддержки» (Cancian, 1985, 253). Реконструируя перспективы обоих полов, Канциан проводит анализ отношений любви, зависимости и власти. Любовь в образе инструментальной поддержки имплицитно отражает более высокое положение того, кто помогает, защищает, заботится и т.д. При этом может оставаться в тени зависимость того, к кому обращена эта помощь и защита. Дальнейший анализ феминизации любви Канциан показывает, что мужской стиль выражения любви дис-курсивно не признан, в то время как легитимность женского желания эмоциональной экспрессии более свойственна общественному сознанию.

Анализ маскулинности нашел свое распространение не только; под крышей социологии, но и в рамках в значительной степени» политизированных «мужских исследований» (men's studies), которые в своей динамике пережили смену парадигм от структурно-функционалистского понимания мужской роли к культурно-критической перспективе. Причем эта критика сместилась с *деформаций*, которые испытывает мужчина благодаря усвоению своей мужской роли, на *властные позиции* мужчин в процессе отношения полов. На теоретическом уровне ролевой подход уступил место конструктивистскому подходу, что отразилось и на понятийном аппарате: единственную маскулинность сменили множественные маскулинности.

В мужских исследованиях можно выделить три основных дискурса, концептуализирующих мужественность: дискурс *дефицита* (Wieck, 1993; Pilgrim 1979; Jokisch, 1982), дискурс *маскулинизма* (Bueiger, 1992) и дискурс *различий* (Blу, 1991 и другие мифопоэты)», Дискурс дефицита делает мужской тендер проблемой и предметом рефлексивной терапевтизации. Оба других дискурса — в принципе реакция на первый и выступают с обещанием компенсировать мужчине чувство неуверенности, возникающее в ходе рефлексии W поводу новых форм взаимоотношения полов в обществе. Дискурс *маскулинизма* делает это через возвращение к старой идеологии «мужского господства», а дискурс *различий* занят поисками аутентичной маскулинности и первоначальной «мужской энергии». И в том, и в другом направлении речь идет о собственно *маскулинной* идентичности, и важнейший аспект взаимоотношения и отосиг тельности *панов* (relational aspect) остается в стороне.

Попытки развить социологическую теорию маскулинности связаны прежде всего с изучением властных отношений в двух измерениях: не только в направлении подчинения женщины мужчиной, но и доминирования среди мужчин (Brittan, 1989; Сопп<?Ц, 1987; Hearn, 1987; Kaufman, 1994). В рамках этого подхода социальная ситуация мужчины рассматривается как сочетание власти и безвластности/бессилия, хотя опыт частичного безвластия мужчины лишь отчасти сопоставим с систематическим подчинением женщины мужчиной.¹

Понятие «гегемонической маскулинности», выдвинутое Коннеялом, и отстаиваемая им позиция «теории практики» («practice-based theory») выгодно отличают его подход к построению теории социального пола — с собственным понятийным аппаратом, тезисом о гевдере как центральной социально-структурной категории¹

и фокусе на взаимоотношениях социального действия и социальной структуры. Социологизм концепции Коннелла, вобравшей положения теории капиталов Пьера Бурдьё и концепцию дуальности структур Энтони Гидденса, возникает на пересечении, с одной стороны, опытов, конструирующих действующего субъекта, и структур социальных отношений — с другой.

Коннелл различает три фундаментальные структуры, в рамках которых организованы отношения полов: *труд/производство*, *власть* и либидозное *влечение*, среди которых *власть* является основополагающей категорией (Connell, 1995, 73). В основе этих структур лежат различные принципы организации: *разделение* (разделение труда), *неравная интеграция* (подчинение одних другим) и *эмоциональная связь* соответственно. По Коннеллу, именно в рамках этих структур, обнаруживаемых эмпирически, воспроизводятся и проявляются отношения полов.

Понятие гегемонии, подчеркнутое им у Грамши, отражает суть мужского превосходства и выражается в сочетании авторитета и маскулинности, что, в свою очередь, предполагает не только практику взаимоотношений *между* полами, но и *внутри* полов (например, между мужчинами). Тем самым иерархия авторитетов смещается внутрь доминирующего пола, множа субкатегории по факту этничности, сексуальности и т. д. Под категорией гегемонической маскулинности Коннелл мыслит не свойство характера, а скорее *культурный образец*, своего рода доминирующий идеал, который лежит в основе практик пола (*doing gender*). Даже не будучи реализованной на практике, модель гегемонической маскулинности остается эффективным символическим средством осмысления существующих отношений власти между полами. Так, мужчина, в силу практических обстоятельств не способный исполнять роль кормильца жены и детей, тем не менее может выступать в защиту этой роли и даже считать себя таковым, воспроизводя тем самым гегемонный порядок. Коннелл называет это «маскулинностью соучастников» (Connell, 1995, P.79), подчеркивая одновременно зазор между культурным идеалом и повседневной реальностью и силу воздействия даже малореализуемого культурного образца. Решающим фактором институциональной поддержки таких конструкций реальности являются гомосоциальные сообщества, внутренняя солидарность которых способствует подкреплению и воспроизводству чувства «нормальности» и в отношении индивидуальных представлений, и в отношении индивидуальных практик.

На этом фоне термин «хабитус», предложенный Пьером Бурдьё, имеет глубокое эвристическое значение, поскольку он также претендует на сочетание измерений социальной структуры и социального действия с описанием бытия мужчины в противоречивой, социальной практике. Под хабитусом понимается не только «с-тема» длительно сохраняемых диспозиций и способ производства стратегий, позволяющих встречать непредвиденные новые ситуации, но и механизм воспроизводства социального неравенства. В основе хабитуса лежит специфика социального положения. Актеры, характеризующиеся общностью социального положения, стремятся воспринимать социальные ситуации и действовать сходным образом, поскольку корреспондирующий с их социальным положением хабитус выступает «матрицей действия, восприятия и мышления», (Bourdieu, 1979, 169). Поскольку каждому социальному положению, по мнению Бурдьё, свойствен только один хабитус, то осуществляемая через него социальная ориентация означает одновременно и социальную дифференциацию. В итоге хабитус является не нейтральным средством ориентации в обществе, а механизмом воспроизводства социального неравенства.

Как известно, Бурдьё раскрывает социальное положение через определенную конфигурацию капиталов (экономических, культурных, социальных). Объем и сочетание этих капиталов в итоге и определяют конкретный хабитус, манифестируемый в различных стилях жизни. Хотя Бурдьё в своем анализе концентрируется преимущественно на классовых различиях, понятие хабитуса существенно и для теоретической тематизации тендера". По крайней мере, социальный класс для Бурдьё не в последней степени определяется тем, какое место отводится в нем обоим полам и их социально усвоенным установкам (Bourdieu, 1987, 185). Лишь в позднейших работах о мужском господстве он расширяет понятие хабитуса: «Хабитус производит социально гевдеризованные конструкции мира и тела, которые, хотя и не являются духовными репрезентациями все же не менее активны» (Bourdieu, 1997, 167). И далее: «Мужские и женские тела... воспринимаются и конструируются соразмерно практической схеме хабитуса» (Там же, 174). Если подытожить позицию Бурдьё социологически, то она бы звучала следующим образом: социальное существование пола связано со специфическим хабитусом, который предполагает одни

¹ Хабитус как «инкорпорированная, ставшая природой и, как таковая, забытая история» (Bourdieu, 1993b, 105).

практики и исключает другие. В этом смысле «хабитус» выступает в качестве основы или *modus operandi* этнометодологической концепции половых практик (doing gender), порождая различные перформативные формы и маскулинностей, и фемининностей.

Понятие «тендерного хабитуса», возникшее из переноса категории П. Бурдьё на отношения полов, было углублено М. Мойзе-ром в ходе интерпретации эмпирических данных, которые показали, что жизненные ситуации мужчин прежде всего отличаются тем, насколько у них выражено чувство хабитусной уверенности/ безопасности (Meuser, 1998, 108). Концепция *маскулинного хаби-туса* описывает, как мужское бытие производит себя в отличие от женского (измерение различий), а также как возникает мужская доминантность в процессе производства различий (измерение неравенства).

В концепциях маскулинности от Г. Зиммеля до Р. Коннелла ясно видна связь различия и доминантности: различие производится через доминантность. Так, уже у Зиммеля невидимость Полового в действиях мужчин является решающим признаком и центральной стратегией мужских практик пола (doing gender) и, соответственно, определяющим элементом маскулинного хабитуса. Превращение власти в право является для Зиммеля выражением и средством этого превращения в невидимое. Из произвольного Властителя возникает «Носитель объективной законности» (Sinunel, 1985, 202).

Маскулинный хабитус проявляется во множестве форм: и как общая ответственность за благо семьи (глава семьи), и как физическое насилие, и как защита и охрана близких, и как гипермаскулинность типа Рэмбо или латинского мачо. Жизнь в соответствии с мужским хабитусом порождает чувство хабитусной уверенности/ безопасности в рамках определенного социального порядка. Этот порядок сродни «основе повседневности» в понимании Гуссерля и отражен в словах-типизациях «и так далее, и тому подобное». Из хабитусной уверенности, по мнению Яннинга, вытекает «осознанное согласие с хабитусной судьбой» (Janning, 1991, 31) как позитивно воспринимаемое принуждение. Какими средствами защищается эта хабитусная уверенность, если меняются структуры тендерного порядка? Когнитивными средствами поддержки хабитусного порядка — согласно этнометодологам, а также П. Бурдьё — являются стратегии нормализации: приведение к норме и отклонение ненормативного. Именно они обнаруживают коллективно разделяемое смысловое содержание маскулинности и требуют в качестве необходимого условия своей реализации существования гомосоциальной атмосферы мужских сообществ — спортивных клубов, компаний однополченцев, земляков, гаражных обществ, курилок, мужских туалетов и тд. Гомосоциальность глубоко функциональна с точки зрения потребности в социальном пространстве, «свободном» от женщин, в рамках которого коллективно разделяемые смыслы мужской жизни типизируются и приобретают межличностную значимость. Гомосоциальность относительно автономна и гораздо более структурирована и иерархизирована, чем фемосоциальность. Может быть, поэтому имеет смысл говорить именно о «мужской солидарности»?

На фоне эмансипации, индивидуализации, разрушения прежних гендерных контрактов и возникновения множества новых пространство гомосоциальности не может в эпоху модерна не испытывать напряжения. Эта темная сторона изменений воплощена в термине У. Бека «антимодерн». Утрата прежней хабитусной уверенности оборачивается поисками новых или возрождением прежних форм хабитуса. «Сколько распада вынесет человек?» — в этом вопросе выражена, с точки зрения Бека, центральная дилемма рефлексивной модернизации (Беек, 1993, 143). Особенно это касается взаимоотношения полов и практик маскулинности, в которых отражаются неравномерность процессов модернизации и культурное сопротивление разрушению хабитусной уверенности/ безопасности.

Итак, удовлетворительной теоретической позицией для нас является концепция гегемонической маскулинности Р. Коннелла, утверждающего множественность и иерархичность маскулинностей, формирующихся и поддерживаемых во взаимоотношениях с другим полом и собственно с мужчинами, а также концепция хабитуса П. Бурдьё и его теория экономических, социальных, символических капиталов, которые создают чувство хабитусной уверенности и безопасности и на которых базируются претензии маскулинной иерархии. Вопрос в том, какие стратегии развивают социальные актеры в целях обеспечения хабитусной уверенности в условиях изменения социальных структур, обеспечивавших условия формирования и поддержания хабитуса.

Методический подход

Методически изучить типизированные решения (мужских) проблем, т.е. реконструировать их толкования в собственной экзистенциальной ситуации, на наш взгляд, адекватнее методом фокус-группы, поскольку наш интерес направлен на реконструкцию *коллективного* смыслового содержания, и *коллективная* дискуссия дает к этому прямой доступ. Метод биографического нарративного интервью лишил бы нас в данном случае необходимого соотнесения типизации с воспроизводством результатов предыдущих групповых интеракций. Мое присутствие во время групповой дискуссии — т.е. присутствие Чужой/Женщины — заставляет членов группы формулировать свои опыты и позиции значительно сильнее и определеннее, нежели в привычных условиях повседневной интеракции *внутри* группы. Самое главное, что при такой организации дискуссии становится явным, артикулируется то «само собой разумеющееся» содержание, которое и раскрывает смысловой горизонт группы.

Еще одним важным условием организации групповой дискуссии был неслучайный характер ее участников: мужчин в группе объединяет общая история интеракции и уже сложившаяся групповая динамика — со своими лидерами, аутсайдерами, внутренними экспертами и в меру молчащим большинством. Кроме того, характеристика группы — это и типика среды (*milieu*), понимаемая вслед за К. Маннгеймом как «продолженное пространство опыта» (Mannheim, 1970, 108). Другими критериями являлись возраст и социально-профессиональная принадлежность. Возрастные границы охватывали период от 30 до 50 лет, что предполагало наличие образования, профессии и постоянного партнерства/брака. Социально-профессиональная идентификация первой группы связана со средним классом, техническим и экономическим высшим образованием, негосударственным сектором экономики. Вторая группа, привлеченная для обеспечения максимального контраста, состояла из представителей рабочего класса того же возрастного диапазона средним/среднетехническим образованием. В ходе интерпретации данных вновь привлекались критерии максимального и минимального контраста, но уже на качественном материале — с целью реконструкции общего и различного и построения на их основе теоретических обобщений. Этот подход к анализу качественных данных отражен в известной «обоснованной» теории Глэзера и Страуса, а также Корбин (Strauss & Corbin, 1990).

Предварительное и самое общее структурирование групповых дискуссий было сфокусировано первым вопросом: «*Что значит для вас быть мужчиной?*» Затем роль ведущей свелась к принципу «самотека». Когда повисали паузы, повторялся кратко последний

пассаж и предлагалось прокомментировать его тем, кто еще сдг высказывался. Каждая дискуссия длилась по времени один.чивл. Нужно отметить, что первый вопрос воспринимался абсолютным. большинством участников с большим недоумением И скепсисоцу, с подозрениями со стороны групповых «экспертов» в том, что смысл происходящего лежит вообще в другой плоскости. И это весьма оправданная общая реакция, если в основе ориентации группы лежат традиционные маскулинные ценности, по отношению к которым не нужно занимать рефлексивной позиции, но конкретное прояснение которых в модернизированном социальном мире представляет колоссальную сложность и вызывает поэтому на первых порах реакцию раздражения.

Полученный в результате расшифровки текст дискуссии подлежал оценке с точки зрения коллективных взаимосвязей значений, а не субъективных интенций и мотиваций. Содержанию текста анализировалось последовательно, со сравнением близких по смыслу и контрастных смысловых сюжетов, что в принципе отвечает идеям текстуального анализа, а также конверсационного и нарративного анализа.

Мужская ответственность представителей среднего класса

Возвращаясь к трудности ответа на вопрос о том, что значит для участников групповой дискуссии «быть мужчиной», важно отметить, как эта проблематика развивалась во времени. Сначала вопрос ставился под сомнение с точки зрения его адекватности. Затем члены группы констатировали, что различий между мужчинами и женщинами перед лицом общества нет. Далее развертывались описания *взаимоотношений других*, знакомых мужчин и женщин в качестве модели, по поводу которой группа солидаризировалась в ее отклонении или приятии. И, что очень важно, уже на основе этих эмпирических картинок делался вывод, что на самом деле все — мужчины и женщины — очень разные. Этот момент выводит на основу валидизации, которую можно назвать «правдой жизни», и представляет результат коллективной работы членов группы. Приведем пример нарратива, иллюстрирующего эту разность и одновременно важность гомосоциальной атмосферы, тестирующей эту разность с точки зрения своих внутренних критериев:

Мой сосед по гаражу... он инструктор по вождению. Помню, мы возились возле гаражей, весна пришла, прибегает... одна и кричит своему: «Ты почему так медленно гайки крутишь?» Все обернулись, посмотрели на него. Парень сжался весь. Теперь знает, что гайки вертеть быстрее надо.

Ирония в конце комментария отражает пренебрежение к мужчине, который позволяет женщине в чисто мужском сообществе публично продемонстрировать свою власть над мужем.

По мере наслаивания описаний других следует более радикальное признание того, что миры мужчины и женщины разнятся как две вселенные. И только после этого собеседники подходят к концептуализации собственного жизненного опыта как *мужского*, сначала — в общем стереотипизированном виде, а затем и в конкретной жизненной практике: «То, что для меня важно, это семья и работа. А кредо — "всегда". Мужчина — это действующее начало, что-то меняющее в мире». Такая omnipotentная активность, безусловно, должна найти помимо *приложения* — т.е. семьи и работы — и систему *«сдержек и противовесов»*, как выражаются наши политики. Обнаруживается, что этим сдерживающим началом является женщина. Ее отличие усугубляется тем обстоятельством, что «кто-то» использует его, инструментализирует в целях достижения социальной гармонии:

Различия между мужчиной и женщиной есть, и они используются в коллективе. Раньше в институте и здесь, в коллективе. Было замечено еще в институте, что в группах только из Юношей начинался загул, распоясывание. Затем добавили по 2—3 девушки в группы: стало спокойнее, перестали эмоции через край выливаться. Все стали вести себя сдержаннее. То же и в коллективе, и в обществе. Женщина оказывает облагораживающее воздействие.

В этом отрывке отчетливо видна «отношенческая» конструкция маскулинности и фемининности в коллективе, их взаимозависимость, взаимообусловленность и взаимосконструированность.

Но это еще не индивидуально-рефлексивный опыт, приближение к рассказу о нем достигается через рассказ опять же о женских фигурах близкого круга семьи:

Моей дочери 21 год... она видит, что вокруг делают мужчины. Берет у меня нужные инструменты, машину водит, за компьютер садится, в ее поступках я вижу мужскую логику решений. Так, например, села в чужой автомобиль и посмотрела в боковое зеркало, закрыла ли задняя дверь... Сын рос в другое время, тогда не было благосостояния. Он вырос более мягким, он может советоваться с мамой, обсудить с ней какие-то вопросы. А эта коза — женщина, которая принимает самостоятельные решения. Небо и земля. А мама не может запрограммировать фильм на видео вечером. Много определяет наше благосостояние.

Логика аргументации здесь увязывает изменение поповых ролей во втором поколении (маскулинизацию женской роли и феминизацию мужской) с наличием благосостояния, которое понимается в первую очередь как оснащение домохозяйства техническими «игрушками»: видео, компьютер, машина, компетенция в овладении которыми традиционно принадлежала ранее мужчинам. И теперь социально более подвижный — женский — пол осваивает прежде чужие сферы. Это воспринимается как глубокие перемены, эмоциональную оценку которых уловить непросто, поскольку речь идет о дочери участника дискуссии.

После приоткрытой двери в частную жизнь в атмосфере групповой дискуссии происходит качественный перелом, уже следует обмен нарративами, раскрывающими личный биографический опыт мужчин с подтекстом маскулинного предназначения.

Я в то время (конец 80-х) менял работу. И состоялся у меня такой разговор с главным конструктором. Зачем, мол, ты уходишь, у тебя здесь такое положение. Я говорю ему, понимаешь, я 15 лет работаю на предприятии, и за эти годы мне ни разу не подошла очередь даже кроличью шапку получить. А почему такой разговор произошел: жена собралась получить вторую квартиру, я пришел в профком и говорю, вы мне хоть мебель запланируйте. Да-да, говорят, и вот тут через месяц ордер, и узнаю, что приходит стенка мебельная и отправляют ее к нам в отдел, и вдруг выясняется, что стенка уходит женщине, которая дольше меня на 5 лет работает. И пока я там 15 лет работал, она получает уже вторую стенку. Я завелся, написал заявление и ушел. Поставил себе цель: проработать 5 лет в Москве (мы жили в Подмосковье), за это время заработать, смочь заработать, чтобы купить тут квартиру и отделить детей. Вот, и когда пришлось опять сменить работу,, детям сказал: ребятки, я свою цель уже выполнил, я проработал 7 лет в Москве, квартиру купил двухкомнатную, а теперь давайте обсуждать следующие цели, Но теперь они ВАШИ.

В этом длинном нарративе тесно переплетено время социальное и биографическое. Причем где-то оно сжато («прошло 15 лет»), а где-то насыщено изменениями: когда социальная ситуация открыла ранее недоступные возможности для заработка, рассказчик переходит от пассивного ожидания «кроличьей шапки» в профкомовской очереди к постановке целей, которые воспринимаются им и членами семьи как программные. Поставить себе цель заработать на квартиру в Москве и реализовать эту цель выглядит куда более сильным (мужским) поступком, чем унизительная конкуренция с женщиной-сотрудницей по поводу мебельной стенки. При этом пример и предложение отца в определенной степени структурируют и жизненные стратегии детей.

В последующих репликах и кратких нарративах отслеживается

определенное сходство с предыдущим: почти все участники дискуссии имели общий жизненный опыт смены профессии/работы в эпоху радикальных экономических перемен.

Мы все прошли через вариант смены работы, чтобы улучшить благосостояние семьи, даже не свое. Хорошо помню то время, когда я работал на кафедре научным сотрудником. По тем, еще советским временам, ну, кем еще становиться — кандидатом наук, доктором, преподавать. Но пошла перестройка, и я понял, что там я буду зарабатывать очень мало, и моя семья, за которую я отвечаю, она будет жить очень плохо. Таким образом, основным толчком было — надо менять работу, надо что-то делать, раз такая ситуация. Оно во мне, внутри было, какое-то чувство ответственности, не только за себя, но за своих близких. Наверное, это почти у всех мужчин так.

Ключевое выражение «ответственность за семью» получает здесь коллективную валидизацию благодаря поддержке и развитию последней фразы («почти у всех мужчин так»):

Все мы оказываемся в той ситуации, когда мужчина кардинально меняет работу, насколько я знаю по своим знакомым, а женщины в основном остаются на своей работе и ищут дополнительные заработки. А мужчины в основном бегают в связи с тем, что ответственность за семью, корм тащить домой....

Но эти обобщения рассказчиков наталкиваются на жизненный опыт других мужчин, жены или знакомые которых испытывают не менее серьезные изменения в жизни, приведшие к трансформации тендерного контракта полов:

Сейчас многое меняется. Если в Совдепии, скажем, мужчина был добытчиком, изначально сверху все воспринималось и делалось, то сейчас в этот переходный период все это меняется коренным образом, хотя психология людей, конечно, осталась прежняя. Женщины-бизнесвумены блестяще это делают, и они становятся этими добытчиками. Поэтому все это перетекает, меняется. Пока еще это устаканится... Да и смотря что женщина выбирает. Одной нужно детей рожать» другой — свое. У кого какое свободное время есть, то и делает.

Признание плюрализма призваний, независимо от половой принадлежности, является здесь не отвлеченной метафизикой пола, а конкретным жизненным опытом. Тот же рассказчик:

Мой личный опыт связан с тем, что жена зарабатывала больше. Она тысяч в 10 больше зарабатывала, чем я. Сначала я чувствовал себя, спокойно. Я всегда спокойный. Я ведь тоже до перестройки зарабатывал какие-то определенные деньги, ну, а потом, наверно, когда супруга получает в тысячи раз больше, а *не наоборот*, то постепенно чувствуешь себя... (молчит с горьким выражением лица).

В этот момент происходит интересный обмен репликами:

- Я думаю, прежде всего меняется отношение самой женщины.
- Конечно, и кардинально.
- Или мужчине так кажется.
- Эти женщины ведь тоже воспитывались в то время, когда мужчина был добытчиком. И получается: папа был добытчиком, у всех знакомых дядь, тетя тоже. А мне не повезло, накладку вышла.

В этом кратком диалоге разворачивается непростая картина перевернутой пирамиды властных отношений в семье. Традиционно женщина воспринимает мужчину главой семьи в том случае, если им выполняется функция добытчика. Но и эмансипированная женщина, выстраивающая жизненную стратегию на основе карьеры с видимым материальным успехом, является носителем тех же традиционных гендерных ожиданий по отношению к партнеру. Собственно, это и становится версией причины развода одного из собеседников.

Вообще тема проблематизации соответствия возросшим ожиданиям

партнерш/жен занимает значимое пространство разговора:

А тут еще возраст и всякие социальные вещи. Чтобы ты не просто торговал на рынке, был не миллионером на рынке, а бизнесменом, предпринима-а-телем.

Отметим попутно, что это скорее свидетельство изменения рынка труда и социально-профессиональной ситуации в целом, расставляющее другое акценты: уже важно не просто зарабатывать деньги, но *как* зарабатывать. Это уже вопрос социальной идентификации, хотя доля привносимого содержания со стороны гендерного контракта безусловно присутствует: возросшая требовательность женщин к партнерам.

И в заключение дискуссии происходит показательный диалог между одним из собеседников (С) и ведущей (В):

С. А вообще мужчина должен... как это... воспитать сына, посадить дерево, построить дом.

В. Вам это удалось?

С. Если воспитать ребенка, это мы еще смогли, дерево посадить, наверно, тоже сможем. А вот дом построить — это да-а-а.

В. Значит ли это, что вам тяжело состояться как мужчине?

С. Получается, да.

В. Но вы сами выбираете эту формулу!

С. Получается. А кто виноват? Я виноват, не раскрыл свои возможности. Не было такой цели, или мне не дали.

Группа приходит на помощь моему собеседнику и резюмирует:

«Если вообще ставить реальные Цели, они должны быть ступенчатыми. Когда реальная цель достигается, надо ставить следующую».

Этот диалог высвечивает, на наш взгляд, очень важное обстоятельство, влияющее на конструкцию маскулинности. Это — глубинная потребность в идеологии, или этике маскулинности. Ее формулирование чрезвычайно затруднительно, для этого привлекаются источники ушедших культурных эпох, например «Мыслящий тростник» Б. Паскаля (Паскаль Блез, 1974). Но эти же готовые формулы являются ловушкой и источником фрустрации («Я виноват»), поскольку реальная фоновая практика гевдера и социально-культурные рамки настолько противоречивы, что конкретная биография мужчины не укладывается в их прокрустово ложе. Что же остается в непротиворечивом «сухом остатке» групповой дискуссии, что наполняет содержание коллективно разделяемого маскулинного хабитуса?

- Мужчине легче себя определить или позиционировать в отношении с женщинами, мужчина как таковой — загадочен и архаичен;
- жизненные миры мужчины и женщины разнятся, как две вселенные;
- свое предназначение мужчины формулируют как чувство ответственности за близкие/семью, что одновременно порождает иерархическую систему, в которой ответственность сопряжена с правом;
- современные трудности гевдерной идентификации мужчины или маскулинного хабитуса сопряжены с хабитусной же неуверенностью, порождаемой проблематизацией роли добытчика/кормильца, а также возросшими гендерными ожиданиями со стороны женщины;
- гендерный контракт не имеет характер незыблемого, он подлежит пересмотру в повседневной практике взаимоотношения полов, что отзывается повышенным напряжением и фрустрациями в случае неоправдавшихся ожиданий;
- наблюдается определенный кризис маскулинной идеологии, когда классические формулы не выдерживают проверки социальным временем, и концептуализация спускается на уровни, близкие социальной практике с ее прагматизмом и рациональностью («ставить реальные цели»);
- гомосоциальность играет чрезвычайно важную роль в коллективном

построении баланса между коллективным маскулинным опытом и моделями объяснения в повседневности, то есть, выработке стратегий нормализации по защите тендерного порядка.

Мужской прагматизм представителей рабочего класса

Дискуссия была проведена на одном из московских заводов металлургической промышленности. Группа состояла из десяти человек и представляла тот же возрастной диапазон, что и первая, большинство членов группы состояли в браке /партнерстве. Наконец, это был тот же тип «естественной» группы, спаянной общим опытом интеракции.

Как и в предыдущей группе, вопрос о том, что значит быть для них мужчиной, казался странным, хотя эмоционально и в меньшей степени. Сходным образом приближение к совокупному ответу на этот вопрос растягивалось во времени и развивалось через тематизацию сначала роли женщины на работе и в семье, и лишь затем участники подходили к описанию роли мужчины. При этом у рабочих было значительно меньше рассуждений об идеологии взаимоотношения полов, чем у представителей среднего класса.

Если женщина умная, почему она не должна сделать карьеру? Если она работоспособная, с людьми в хороших отношениях — почему бы ей не стать начальником цеха? Человек неглупый, грамотный — я за, чтобы такие люди были. Если женщина справляется лучше, чем мужчина, то начальник ее оставит. Ведь он старается оставлять тех людей, которые бы работали.

Вот так, исподволь, не выходя за рамки контекста, собеседник подходит к оценке *женщины* прежде всего с точки зрения выполнения ею трудовых обязанностей *работницы*. Пока здесь просматривается только функциональный аспект, но также намечены конкуренция и оценивание функциональности женского труда мужчиной-начальником. Их формальные отношения отмечены рациональностью («отбор тех, кто работает») опять-таки со стороны начальника.

Если бы мне платили приличные деньги, то жена могла бы и дома сидеть с ребенком, как это и полагается — уделять внимание ребенку, домашним делам и всему остальному. Но сейчас ведь рабочий не может содержать семью полностью. Может быть, и может, но это внатяг жить.

Эта цитата составляет контраст с аналогичным сюжетом в первой группе, где один из участников испытывал чувство фрустрации, *личной* вины из-за невозможности выполнить соответствующую мужскую роль. В данном же случае собеседник лишь отмечает в сослагательном наклонении, что неплохо бы реализовать традиционную модель семьи (муж-кормилец/жена-домохозяйка). Но к невозможности такой жизни он подходит вполне прагматично, не интернализуя вину за социальные обстоятельства.

Вообще рассказывать об отношениях мужчины и женщины *вне* институционального контекста участникам этой группы было очень непросто. Им проще говорить о том, что наполняет их повседневность: это не перипетии отношений, а реальность трудовых дел и коммуникация по их поводу в преимущественно гомо-социальном сообществе. Так-приблизительно выглядит типичный день рабочего:

У нас второй корпус, человек 5 слесарей. Утром приходишь, обходишь все. Что поломалось за смену, начинаешь делать. Потом текучку начинаешь делать. Обед у нас 45 минут. После обеда то же самое, делаешь запасные детали, если в смену что полетит, чтоб запас был. Так и продолжается, как конвейер. То одно делаешь, то другое. Потом приходишь домой, зашел в ванную, руки помыл. Перекусил Что-то и побежал в гараж...

Показательно обилие глаголов, частого перечисления действий,

неудивительно, что близка по стилю и попытка суммировать в итоге мужскую роль:

Мужчина, он должен уметь все делать, хотя бы понемногу во всем разбираться. По работе в первую очередь, да и дома во всех мелочах. Он умелец. Когда умеешь, то и люди к тебе обращаются. Правда, плохо, когда слишком много обращаются.

Это тут же получает поддержку группы:

Мужчина должен быть самостоятельным, иметь голову на плечах и руки умелые. А чтобы стать им, нужно суровое воспитание от деда отца. Моя основательность от деда, интересно было наблюдать за ним... Мужчине нужно пройти жесткие, не тепличные условия, чтобы где-то повращаться не среди женщин, особенно тем, кого воспитывала только женщина.

В отличие от группы среднего класса, здесь, чтобы состояться как мужчине, требуются несколько другие факторы — умелые руки и самостоятельность. Причем эти качества системообразующие, они структурируют социальность, выстраивают отношения. И что особенно важно, для их приобретения необходима гомосоциальность

В ходе дискуссии была затронута и жизненная ситуация, в которой мужчина зарабатывает меньше жены/партнерши:

У меня двое детей, сын большой уже, а дочка маленькая. В основном с ней жена занимается. Она у меня работает в банке. Зарабатывает почти так же. В какое-то время больше зарабатывала, а сейчас и на одном месте стоит... Разборки? Об этом и разговора не было. Думаю, что так и должно быть. Если кто-то зарабатывает меньше больше, это не должно задевать. А что сделаешь? Может, и рад больше зарабатывать, но не платят. Ну что сделаешь?

Это — момент так называемого минимального контрастирования качественного материала, когда из разных сравниваемых источников подбираются близкие социальные ситуации. Если мы вспомним, что аналогичная ситуация в другой группе привела к возрастанию гендерных ожиданий партнерши и в итоге к разводу, то здесь рассказчик относится к этому прагматично: каждый делает то, что в данный момент может. При этом на гендерном контракте внутри семьи это не сказывается. Может быть, потому, что концептуализация маскулинности здесь идет по линии *умений и самостоятельности*, приобретаемых которыми мужчина мало рискует их утратить вследствие изменения социально-экономической ситуации. Если же он выстраивает свою идентичность на *чувстве ответственности* за семью, на балансе гендерных ожиданий, требующем постоянного подтверждения (как в группе среднего класса), то его маскулинность все время оказывается под вопросом. В итоге возникает хабитусная неуверенность. Здесь же, в группе рабочего класса, есть признания *общей* экзистенциальной неуверенности, объединяющей и солидаризирующей на своей почве *оба* пола. И маскулинный хабитус рабочих кажется не затронутым этой экзистенциальной неуверенностью, поскольку существует несколько в иной плоскости.

Приведу развернутый нарратив участника дискуссии, жизненная ситуация которого также отмечена экзистенциальной неуверенностью, но его отношения в семье контрастируют с предыдущими участниками дискуссии — они отмечены большей либеральностью, что отчасти объясняется возрастной разницей в 15 лет.

Я, например, ремонтер резиновых изделий. Моя квалификация никому, кроме этого завода, не нужна. А всем ведь надо кормить семьи, денежки зарабатывать. Автослесарем я тоже работал, знаю, что это такое. Но чтобы заработать хорошие деньги автослесарем, нужны золотые руки, а в этом масле они ничуть не чище, чем здесь на заводе, да еще бензина надышишься. Хотя выбора много, но я человек не активный, вот моя беда. Миллионом способов можно деньги заработать, но у меня психология немножко другая: я

думаю, что мне будет плохого от этого? А с этим ничего не построишь. Сейчас же как бизнесмены думают? Что я на этом заработаю? Что мне за это будет — это на 101-м месте. Я так не могу.

Если «снимать» последовательно смысловые слои этого нарратива, то его траекторию можно выразить так: я привязан квалификацией к заводу — нужно зарабатывать/кормить семью — хорошо зарабатывать я не могу — я неактивен — боюсь неудач. В этом тоже есть своя «рациональность»: лучше меньше, зато надежно. Такая «ущемленная» идентичность, которая провоцирует неудачи их ожиданием, интересно совмещается с либерализмом партнерских взаимоотношений в семье:

Жена у меня всю жизнь проработала главным бухгалтером, у нее высшее образование. На бухгалтеров спрос тогда был колоссальный. Она на нескольких фирмах проработала. Но потом родила, просидев три года с ребенком, не работала. За это время ее конторы прикрыли. Вернуться некуда было. А сейчас к бухгалтерам большие требования, компьютер знать надо, английский и тому подобное. А навыки-то потеряны. Сейчас она устроилась на другой завод бухгалтером, но там зарплата кирпичами. За февраль дали зарплату деньгами, а за март-апрель, говорят, берите кирпичом. А ведь надо еще побегать, кому их продать...

Казалось бы, это нарратив о жене, но мы получаем не историю отношений, а ту же проблематику разрывов в профессиональной карьере, которая тяжело отзывается на общей экзистенциальной ситуации семьи, усложненной еще и проблемами конвертации кирпичей. Важное обстоятельство наличия спроса на бухгалтеров корреспондирует с собственной профессиональной изоляцией. Но, в отличие от первой группы, *биографическая* переработка *внешних* социальных рамок не находит отражения в нарративе об отношениях. Что не рассказано — не пережито (в крайнем случае, вытеснено), если следовать предложенному Ф. Шютце принципу гомологии структур рассказывания структурам пережитого опыта.

Итак, подведем некоторые итоги по фокус-группе с представителями рабочего класса:

- концепт маскулинности здесь строится на индивидуальном проекте умений и самостоятельности, но их приобретение требует гомосоциального воспитания и пребывания в суровых условиях и мужском сообществе;
- этот маскулинный хабитус тоже построен на традиционном ролевом каркасе, но в меньшей степени представляет собой «отношенческий» (relational) конструкт, его сердцевина менее зависит от переопределения социальной ситуации, в которую встроены гевдерный контракт;
- здесь менее выражена хабитусная неуверенность от неисполнения маскулинной роли, меньше идеологии и метафизики по поводу изменившейся роли женщины;
- опыт малого по сравнению с женой заработка не приводит к фрустрациям перед лицом общей экзистенциальной неуверенности.

Резюмируя проведенное сравнение фокус-групп, отметим, что представители среднего класса (бывшая техническая интеллигенция) более, чем представители рабочего класса, склонны к идеологическим представлениям о предназначении женщины, нагруженным патриархатными стереотипами. Именно отталкиваясь от них, делаются попытки формулировать смысл маскулинности: ответственность за семью и близких. Таким образом, это сложный реляционный комплекс, требующий для своего прояснения связи со значимыми Другими, прежде всего женщинами. Идеологическая нагруженность и кризисное социальное время приводят к тому, что маскулинный хабитус из заданности превращается в задание, а маскулинная этика и фоновая практика пола принципиально не совпадают (хотя об этом

предупреждал Коннелл). У представителей рабочего класса этот зазор явно меньше. Они менее склонны рассуждать об отношениях с женщинами вообще, о предназначении мужчины говорят в прагматичном ключе — как о решении конкретных задач выживания в трудное социальное время. Пожалуй, их маскулинный хабигус даже выглядит не таким патриархатным, как ожидалось от представителей традиционной гендерной культуры. Из этого вытекает, как это ни парадоксально, что представители среднего класса более склонны к сексизму и фрустрации относительно проблематизации мужской роли, чем представители рабочего класса. Из проведенного сравнения также можно сделать вывод, что угроза *хабитусной уверенности*, понимаемой как уверенность по поводу

- своей позиции в семье,
- форм, способов и содержания интеракций между мужчинами и женщинами, а также между мужчинами,
- стратегий и форм самопрезентации, становится реальной тогда, когда *собственные* действия воспринимаются мужчинами как имеющие специфическое половое («мужское») содержание. Вопрос: «Смогу или не смогу *как мужик!** — актуализируется в ситуации социальных потерь, поскольку пол становится тем ресурсом, на основе которого выстраиваются стратегии выхода из семейного, профессионального и т.п. кризисов. Вероятно, маскулинная уверенность представителей рабочего класса и выглядит менее размытой благодаря устоявшейся гендерной культуре с ее традиционными когнитивными стратегиями нормализации, оказавшимися эффективными в условиях меняющегося социального порядка.